

А. А. Бестужев-Марлинский. Роман и Ольга

Старинная повесть

[Течение моей повести заключается между половинами 1396 и 1398 годов (считая год с первого марта, по тогдашнему стилю). Все исторические происшествия и лица, в ней упоминаемые, представлены с неотступною точностию, а нравы, предрассудки и обычаи изобразил я, по соображению, из преданий и оставшихся памятников. Языком старался я приблизиться к простому настоящему русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных летописей, песен и сказок. Предмет сей книги не позволяет мне умножить число пояснительных цитат, но читатели, для проверки, могут взять 2-ю главу 5-го тома "Истории государства Российского" Карамзина, "Разговоры о древностях Новгорода" преосвященного Евгения и "Опыт о древностях русских" Успенского. (Примеч. автора.)]

I

**Зачем, зачем вы разорвали
Союз сердец? "Вам розно быть! - вы им сказали. -
Всему конец!" Что пользы в платье золотое
Себя рядить? Богатство на земле прямое
Одно - любить!**

Жуковский

- Этому не бывать! - говорил Симеон Воеслав, именитый гость новгородский, брату своему. - Не бывать, как двум солнцам на небе. Правда, твой любимец, Роман Ясенский, хорош и пригож, служил верой и правдой Новгороду, потерпел много за Русь святую; горазд повесть слово на вечах, в беседах; удал на игрушках военных [Так назывались на Руси турниры. См. 5-й том "Ист. гос. Росс." Карамзина, примеч. 251. (Примеч. автора.)] и на все смьшлен, ко всем привеллив... Одна беда, - примолвил Симеон, с гордостью перебирая связкою ключей на поясе, - он беден, стало быть, не видать ему за собой Ольги.

- Брат Симеон! сердце не слуга, ему не прикажешь!

- Зато можно отказать. С этого часу запрещаю Ольге и мыслить о Романи, а ему - ходить ко мне. Я хочу, чтоб она думала не иначе, как головою отца да матери: жила бы по старине, а не по своей воле, и не подражала бы чужеземным, привозным обычаям. Правду молвить, в этом первом виной -

- Если б не торговые выгоды! - прервал Юрий, с усмешкою разглаживая усы свои.

- Да, да, если б не торговые выгоды! - отвечал Симеон, тронутый таким замечанием. - Выгоды, которые сделали меня первым гостем новгородским, а

- И всегда и навсегда напрасно: Ольга не избрет другого, если ты не выберешь ею избранного. Брат и друг! ты хорошо знаешь свои счета, но худо страсти людские. Ольга может в твою угодю скрыть слезы свои, но эти слезы сожгут ее сердце, и она безвременно увянет, как цвет, иссохнет, как былинка на камне. Не делай же ее несчастною, не заставь крушиться родных на твое позднее раскаяние. Послушай совета от друга и брата, чтоб после не плакаться богу; исполни мою просьбу, а молодых мольбу - отдай Ольгу Роману!..

Слово совет пробудило гордость Симеонову.

- Побереги эти советы для детей своих! - сказал он, нахмутив брови, чтобы под суровостию чела скрыть слезы, навернувшиеся на глазах от речи Юрия. - Старшему брату поздно жить умом младшего.

Долго длилось молчанье. Юрий, недовольный худым успехом сватовства, видел, что он оскорбил самолюбие брата. Симеон досадовал на него за противоречие, а на себя - за помин о старшинстве. Один глядел в косячатое окошко, другой играл кистью своего узорчатого кушака; оба искали слов к разговору и не находили. Наконец нетерпеливый Юрий решился избавить себя и брата от затруднения уходом.

- Прощай, братец! - тихо сказал он, снимая со стопки брововую свою шапку.

- С богом, Юрий! Но почему ты не остаешься здесь ужинать? Я попотчую тебя стерлядью и славным вином заморским.

- У тебя ль, Симеон, нет золота? - возразил брат его, Юрий Гостинный, сотник конца Славенского. - Тебе ли желать богатого зятя, когда ты можешь устлать деньгами всю дорогу его к церкви венчальной?

- Но кто мне порука, что не деньги влекут Романа к моей дочери?

- Его чувства, Симеон, его поступки: кто бескорыстно принес в жертву родине свою кровь и молодость, кто первый запалил наследственный дом, чтоб он не достался врагам Новгорода, тот, конечно, не променяет души на приданое!

- Так не хочешь ли, братец любезный, чтоб я бросил мою лучшую, заветную жемчужину в мутный Волхов, чтоб я отдал мою дочь за человека, у которого нет три-девяти снопов для брачной постели [Брак сопровождается в старину множеством обрядов: перед выездом в церковь жених и невеста ступали на ковер, под венцом стояли на соболе, по приезде в дом жениха невесте расплетали косу, которой уже не могла она показывать. Во время пира подруги молодой пели приличные песни. При входе в спальню новобрачных осыпали хмелем и деньгами, чтоб они жили весело и богато. Постель стлалась на тридцати девяти снопах разного жита, и один из друзей, с саблею в руке, должен был развезжать всю ночь кругом брачной клетки или сенника. (Примеч. автора.)], у которого и любимый конь пасется муравою приятелей! Моей ли Ольге он чета? У нее корабли в море, у него - журавли в небе.

- Брат! не порочь доброго гражданина! Сердце Романово стоит твоих мешков с золотом, и в его жилах течет нехудая кровь детей боярских: племяннице моей не стыдно сложить руку с рукою правнука Твердислава [Твердислав был посадником новгородским в 1219 году. О его великодушии смотри "Ист. гос. Росс." Карамзина, том 3, стр. 172. (Примеч. автора.)].